

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ВАКУУМЕ

Кирилл Бенедиктов, Борис Межуев

Бдва ли будет преувеличением представление о том, что в последние десять лет интересы общества почти полностью были сконцентрированы на внутриполитических проблемах, в то время как внешняя политика осуществлялась как бы сама собой. Последний всплеск интереса к внешней политике в массовом российском сознании произошел весной 1999 года, когда НАТО начало бомбить Сербию. Ни звонок Владимира Путина Джорджу Бушу-младшему после атак террористов на Манхэттен 11 сентября 2001 года, ни уход из Лурдеса и Камрани, ни даже вторжение коалиции в Ирак в 2003 году уже не вызвало такого отклика в душе среднестатистического россиянина.

Экспертное сообщество, напротив, никогда не игнорировало внешнеполитическую тематику, однако создается впечатление, что влияние экспертов на линию российского Министерства иностранных дел, мягко говоря, не очень велико:

а администрацией президента, которую эти think-tanks обслуживают. Однако отрицать определенное взаимодействие между экспертным сообществом и decision-making структурами никто не станет. В области внешней политики подобное взаимодействие в основном сведено к чисто техническим процедурам: академические институты по запросу МИД РФ предоставляют аналитические документы для соответствующих департаментов.

Отсутствие внятной внешнеполитической стратегии — проблема не только российская. Критики Барака Обамы говорят, что в период его администрации Америка впервые оказалась лишена «большой стратегии». Под «большой стратегией» в США понимают концентрацию всех дипломатических и военных ресурсов страны на достижении одной основополагающей задачи — задачи, имеющей жизненное значение

1960-е в центр внешней политики США выдвинулся Индокитай, а в 1980-е — Восточная Европа. Кстати говоря, критики Обамы не совсем правы: «большой стратегией» нынешнего президента можно было бы назвать управляемый уход из основных конфликтных зон Евразии: Восточной Европы, Кавказа, Ирака.

«Большая стратегия» никогда не бывает исключительно продуктом бюрократического и тем более дипломатического проектирования, она всегда опирается на общественное мнение или, выразимся реалистичнее, на позицию политического класса страны, включая разного рода элитные и лоббистские группы. **«Большая стратегия» превращает политику в дело всей нации.**

Россия, в отличие от США, с 1990-х годов сама отрекалась от «большой стратегии»: мол, ее наличие было пережитком советского имперства и сегодня говорить о чем-то подобном немислимо и неприлично. «Большая стратегия» в русском исполнении — это либо оборонный прагматизм, либо геополитические фантазии с нулевым уровнем реалистичности. Исключения существуют, но они очень незначительны. Однако если отсутствие стратегирования по-крупному было еще допустимо в эпоху «демократизаторского» напора США, то в период Обамы стало ясно, что отсутствие таковой стратегии рано или поздно станет для России болезненной проблемой. Теперь все чаще и чаще возникает вопрос, какими высшими задачами должна руководствоваться Россия в отно-

«Большая стратегия» никогда не бывает исключительно продуктом бюрократического и тем более дипломатического проектирования, она всегда опирается на общественное мнение

ни одного политического мыслителя, влияние которого было соразмерно влиянию Збигнева Бжезинского или покойного Сэмюэла Хантингтона, в России нет.

Проблема, однако, состоит в том, что в данном случае понятие «влияние» не стоит понимать буквально — внутренняя политика в стране также определяется не think-tanks, пусть даже и самыми авторитетными,

для государства. Скажем, в эпоху холодной войны «большой стратегией» было «сдерживание коммунизма», при Буше-младшем Америка попыталась выдвинуть в качестве таковой стратегии «распространение демократии».

Реализация «большой стратегии» предполагает сосредоточение внимания государства в тот или иной момент на определенном регионе планеты: так, в

шении того или иного региона, что ей следует делать и кого защищать на постсоветском пространстве, в Передней Азии, на Ближнем Востоке...

Или вот конкретный вопрос, ответу на который отчасти посвящен нынешний выпуск «РЖ — Тема недели»: если план Обамы все же удастся и влияние Америки на евразийском пространстве заметно снизится, Россия и Европа будут выступать как стратегические конкуренты или как союзники в тех самых зонах, откуда попытается уйти Америка? Новая военная доктрина указывает на процесс расширения НАТО как на основной источник опасности, однако эта угроза является слишком общей для того, чтобы определять политику России в тех или иных регионах мира. И, самое главное, «большая стратегия» немыслима без активного взаимодействия дипломатических кругов и политического сообщества в целом, а вот как раз это взаимодействие в России наталкивается на препятствия, в том числе и концептуального толка.

Отсутствие «большой стратегии» частично оказывается скомпенсировано и для сегодняшней Америки, и для нынешней России изменениями в оборонной стратегии каждой из стран. Примерно в одной время, в начале февраля 2010 года, Пентагон и Совет безопасности РФ выпустили в свет новые военные доктрины. Военная доктрина в отличие от «большой стратегии» — конкретный документ, в котором обозначаются возможные угрозы национальной безопасности, устанавливается предположительный характер военных действий и утверждается набор действий, призванный реализовать серию конкретных задач по укреплению обороноспособности страны.

Американская «военная доктрина» — это изложение того, что Пентагон считает наиболее опасным в современном мире, и перечень тех мер, которые должны эти опасности устранить. Речь идет не столько о долгосрочных целях, сколько о том, что нужно сделать в ближайшие четыре года, до выхода в свет нового документа. В данном случае предлагается обратить внимание на опасность террористических организаций, а также на те страны, которые могут снабдить эти организации ядерным оружием. Угроза прямого столкновения с Китаем и Россией как двумя наиболее мощными в военном отношении региональными

ле путем расширения блока». Глава НАТО Андрес Фог Расмуссен в ответ на появление этого документа заявил о том, что авторы военной доктрины исходят из устаревших позиций, после чего Москву посетили члены «Совета мудрецов» НАТО, чтобы убедить Россию в том, что НАТО не представляет для нашей страны никакой угрозы.

«Большая стратегия» — продукт доминирования политической воли над интересами и приоритетами отдельных ведомств, включая дипломатическое и военное. Едва ли НАТО и Россия смогут договориться друг с другом в том случае, если две лидирующие сверхдержавы не опре-

державами как будто отступает на второй план, равно как и сценарий одновременного ведения двух войн с региональными сверхдержавами.

С другой стороны, новая военная доктрина РФ вновь берет в качестве приоритетной угрозу расширения НАТО и «стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран-членов НАТО к границам Российской Федерации, в том чис-

деляться, в чем состоит предельная цель их позиционирования на международной сцене. И только в этом глобальном общественном диалоге можно выйти к некоему глобальному выравниванию «больших стратегий».

Между тем, башня из слоновой кости, в которой обитает прекрасная принцесса российской дипломатии, с одной стороны, защищает ее от посягательств различных групп внутри политических элит, с другой стороны, отгораживает ее от живого интеллектуального процесса. ■